В. В. Денисюк (г. Умань, Украина)

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРИСЯГИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XVI–XVIII ВВ.)

Странное, на первый взгляд, название таит в себе неугасающий интерес лингвистов к проблемам функционирования языка в диахронии. Обозначенные века есть тем периодом, когда завершалось формирование национальных языков восточных славян. Но не стоит забывать, что основанием этих литературных языков был тот, который в киеворусский период синтезировал в себе местную речь и старославянскую письменность, начал расширение системы стилей и жанров, имел четкую дифференциацию для употребления той или иной единицы в том или ином дискурсе. Древние летописи с их пафосным описанием княжеских дел и становления церкви постепенно усложняли композицию. Таким образом, в тексты летописей просачивались и незаурядные события, для описания которых летописец уже мог использовать и элементы разговорной речи. Автор, постоянно работая с двумя языками, переключая код с одного на другой, становился посредником в адаптации и истолковании заимствований, популяризатором узкоспециальных сочетаний слов, которые впоследствии через выход за пределы специальной сферы могли получить метафорические сдвиги в семантике, тем самым полностью или частично фразеологизироваться. Примечательно, что почти вся жизнь восточных славян, как свидетельствуют древние источники, находила отражение и на фразеологическом уровне. Пальму первенства по праву удерживали устойчивые словесные комплексы для обозначения разных явлений, прежде всего общественно-политической и религиозной жизни. Иногда взаимодействие этих двух сфер становилось причиной как появления фразеологизма, так и выхода его на периферию.

В нашей статье рассмотрим динамику вербализации понятия ‘присяга’ на фразеологическом уровне. Как отмечает В.Ю. Франчук, «в дохристианский период обряд клятвы, имевшей религиозно-языческую форму, обозначался словом *рота*. <...> Поскольку этот термин не противоречил основам христианской идеологии, то он сохраняет свою жизненность и после принятия христианства. С этим термином в древнерусской письменности связан ряд устойчивых глагольных фразеологизмов: *водити (вести, привести) ротѣ (к ротѣ, в роту)* – ‘приводить, привести к присяге’, *ходити (ити) ротѣ (в роту), заходити ротѣ, вънити в роту, дати роту* и т. п. ‘приносить (принести) присягу’, ‘дать (давать) клятву, обязательство’» [1, с. 56]. Однако эти фразеологизмы

перешли в пассив, не выдержав конкуренции с новой единицей *целовати крест*, центром которой стало название одного из символов христианства – креста. Как свидетельствуют памятники письменности, словосочетание обозначало непосредственное целование креста в подтверждение клятвы. Но присягать приходилось в разных условиях, а это спровоцировало расщепление семантики одного действия на два – религиозную и светскую, бытовую, собственно присягу без целования креста или прикасания к какому-либо священному предмету. Переосмысление и выход за пределы религии сделали словосочетание общеупотребительным фразеологизмом.

Возродившееся после распада Руси летописание продолжало древние письменные традиции, все больше привлекая в свой арсенал средства живого языка. Не простая констатация событий, а критическое осмысление их по мере накопления, приход барокко с его антропоцентричностью послужили дополнительным толчком для микрореволюций в языке. Украинские, белорусские и российские летописцы были грамотными представителями своих народов, соответственно и языков, таким образом, через их языковое сознание мы имеем возможность воссоздать представление о присяге в XVI–XVIII вв.

Для обозначения понятия ‘присяга’ в восточнославянских языках функционировало слово *присяга*, которое аккумулировало в себе абстрагированную семантику конкретного действия. В украинских летописях для реализации этого понятия фиксируем единичные случаи использования именно-глагольного словосочетания, где информативно недостаточный глагол связан с существительным, конкретизирующим общую семантику, напр.: … *и гетманъ Хмельницкій съ старшиною, пріихавши до Переяславя на Богоявленіе Господне, позволилися быть подъ Его Царскимъ Величествомъ (а седмого дня Януарія на день Іоанна Крестителя)* ***присягу чинили*** *тамъ въ Успенскому войсковому собори* (ЛЛ, с. 15); *Тогожъ года гетманъ съ полковниками въ Москвѣ* ***присягу чинили*** *на содержаніе устава воли монаршей, о чемъ и по всей Малороссіи* ***присяга была*** *жъ* (ЛЛ, с. 56). Невостребованность специального словосочетания для обозначения присяги компенсируется имплицитной семантикой в глагольно-именном сочетании *учинити мир* – какой мир без обещаний, что ты его не нарушишь: *Року 6605-г собравшися кн̃зи рускиї в Любечю,* ***учинили*** *межи собою* ***примире под присягою****, жебы на половцовъ воевали, а не свою землю междособною воиною пустошили, лечъ рыхло зламали тое примире* (Кройніка, 59 – 59 зв.).

Однако наблюдаем и последующие деривационные процессы в словосочетании *присягу чинити / дати* – реактивацию давней глагольной формы с новой семантикой, которая в украинском летописании становится

основной единицей реализации значения ‘присяга’: *Рок АФЧГ [1593]: тот жє кн̃зь Василєи под Пяткою козаков побил, и* ***присягли*** *єму козаки, жє вѣчными часы з ним нє валчыт* (КЛ, с. 110); *… тамъ отправуючи свята великодніе Воскресенія Христова, усе войско козацкое с полковниками ихъ скупили и казали онимъ* ***присягати****, же не маютъ здрадити полковниковъ своихъ и до Хмелницкого приставати* (ЛС, с. 8).

В белорусских летописях отмечаем гораздо большее разнообразие глагольно-именных сочетаний (*И так против Гедимина вышли напрод митрополит, епископы, архимандриты зо всѣм духовенством з крестами, корогвами, а за ними панове, бояре и все посполство киевское вышло кланяючися и подаючися в ласку и в державу Гедиминови, там же ему и* ***присягу выполнили*** (ХЛЖ, с. 38); *… там же ему сам напрод и з сынами своими, а потым княжата и бояре* ***присягу отдали****, що все Кестут чинил з щирой милости и вѣрной упреймости* (ХЛЖ, с. 63); *…будучи двома поражками москва от татар и от литвы побѣждена, мусѣла примиря у великого князя Казимера просити, и* ***присягу*** *обадва мижи собою* ***учинили****, абы в покою сѣдѣли, не воюючи еден на другого* (ХЛЖ, с. 86)) и только изредка – глагол *присягнути*: *Тые всѣ замки знову побудовал Радивил, а русь, христиане, которые были по оном несщасливом спустошеню Батиевом зостали, принял их ласкаве в свою оборону, а они ему на послушенство* ***присягли*** (ХЛЖ, с. 19). О древнем периоде свидетельствует трансформированный фразеологизм *крестное целование*, который с глаголом реализует семантику ‘изменить присяге’: *Рекоста: «Мы никоего зла сотворша ему, а он с нами у докончании буда и* ***преступиль крестное целование*** *и докончание, нашю землю воюеть и кровь християнскую проливаеть»* (СлЛ, с. 71).

Полной противоположностью украинско-белорусскому летописанию в этом аспекте есть российское. В исследуемых нами летописях не зафиксировано ни единого употребления устойчивого сочетания с лексемой *присяга* или глагола *присягати*. Вместо этого имеем разные грамматические варианты давнего фразеологизма *целовати крест*: *Тогда же Данил митрополит взем братию великого князя князя Юрья и князя Андрея Ивановичев в переднюю избу и* ***приведе*** *их* ***к крестному целованью*** *на том, что им служити великому князю Ивану Васильевичи, всеа Русии и его матери великой княгине Елене, а жити им на своих уделех, а стояти им в правде, на чем* ***целовали крест*** *великому князю Василью Ивановичю всеа Русии и крепости промежу ими с великим князем Васильем* (ПЛ, с. 24); *Они же реша: «****Целовали есмя крест*** *заедино и грамоты пописали, что судити тебе не дати»* (УЛ, с. 79); *И* ***целоваша крест*** *заедино вси, и благослови их владыка* (УЛ, с. 80); *…за его государьское величество* ***приводил*** *к вере и* ***крестному целованию*** *дворян, и детей боярских, и*

посацких людей, и архиепископлих детей боярских (ВЛ, с. 182) и др. Глагольный компонент может нести и основную смысловую нагрузку, свидетельствуя о позитивной или негативной коннотации: *А наводил их король Жидимонт,* ***преступив крестное целованье*** *и докончанье* (ПЛ, с. 11). Отмечаем также случай внутренней конденсации, когда прилагательное-определение становится факультативным: *И устюжаня против его щита не держали, и князь Дмитреи Шемяка город Устюг засел, а земли не воивал, а людеи добрых* ***привел к целованию*** (УЛ, с. 88–89).

Таким образом, в исследуемых летописях понятие ‘присяга’ передают устойчивые глагольно-именные сочетания. Если для украинских и белорусских летописцев основным средством передачи этого понятия являются единицы деривационного ряда *присяг-*, то в российских летописях ту же семантику продолжают реализовать варианты давнего фразеологизма *целовати крест*.

Источники

ВЛ – Вологодская летопись // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1982. – Т. XXXVII: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – С. 160–193.

КЛ – Київський літопис першої чверті XVII ст. // Український історичний журнал. – 1989. – № 5. – С. 103–114.

Кройніка – Софонович, Ф. Хроніка з літописців стародавніх / Ф. Софонович. – К. : Наук. думка, 1992. – 336 с.

ЛЛ – Краткое лѣтоизобразителное знаменитыхъ и памяти достойных дѣйствъ и случаевъ описаніе, что въ какомъ годѣ въ Украинѣ малороссійской дѣялось, наипаче, кто именно когда былъ козацкимъ гетманомъ, и о протчихъ приключеніяхъ отъ Россіи, кратко (1506–1783) // Южнорусские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. – К., 1856. – Т. 1. – С. 51–106.

ЛС – Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ: Хмельницкой, «Краткого Описанія Малороссіи» и «Собранія Историческаго». – К., 1878. – С. 1–207.

ПЛ – Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1978. – Т. XXXIV. – С. 8–30.

СлЛ – Слуцкая летопись // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1975. – Т. XXXV: Летописи белорусско-литовские. – С. 68–84.

УЛ – Устюжская летопись // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1982. – Т. XXXVII: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – С. 56–103.

ХЛЖ – Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1975. – Т. XXXII. – С. 15–127.

Список использованной литературы

1. Франчук, В. Ю. Следы языческого мировоззрения во фразеологическом составе памятников древнерусской письменности / В. Ю. Франчук // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сборник научных статей. Вып. 2. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 55–58.